

Дуйшалиева А.

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОТЕСТА В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСТАНЕ**

A. Duishaliev

**CULTURAL APPROACHES IN THE STUDY OF POLITICAL
PROTEST IN MODERN KYRGYZSTAN**

УДК:340.2(573)

В статье рассматриваются культурологические подходы к изучению политического протеста в современном Кыргызстане.

The article considers the cultural approaches in the study of political protest in modern Kyrgyzstan.

Глубокие изменения, происходящие в политическом процессе страны после апрельских событий 2010 года, проблематизировали императивы активности/пассивности или абсентичного отношения граждан к властным институтам Кыргызстана. Очевидно, что многоплановость происходящих социально-политических изменений в стране, равно как и сам факт наличия внушительного разброса общественных мнений о них, ставят вопрос о выработке целостных, научно обоснованных культурологических подходов к анализу протестных акций, построению сценариев их развития в Кыргызстане.

Задача осмысления и концептуализации социально-политических изменений, также предполагает учет транснационального измерения мировой политики, процессы которой пронизывают национальные границы, вплетаются во внутривнутриполитические конфигурации властвующих групп и оспаривания оппозицией. По утверждению кыргызского эксперта М.Сариева «...как показывают квазиреволюционные события, имевшие место в Северной Африке и ранее на пространстве СНГ, участниками внутривнутригосударственной борьбы за власть и конфликтов на данной почве является множество различных субъектов, обеспечивающих продвижение геополитических интересов других держав» [1]. Таким образом, грань между национальными «оппозиционно-демократическими» силами и агентами различных субъектов мировой политики нередко оказывается чрезвычайно тонкой.

Предпринимая попытку интерпретации комплексного феномена волны протестной активности, возникшей в марте 2005 и апреле 2010 гг., мы встаем перед необходимостью увязывания микро- и макроуровня анализа, структурных и субъективных факторов. Наиболее обстоятельная линия решения данной задачи традиционно предполагает применение политико-культурного подхода. Контекст электоральных, политических процессов 2005 и 2010 гг., который придал основной импульс масштабной политизации протестных настроений в Кыргызстане, обуславливает обращение к понятию электоральной культуры, как культуры политической, взятой в

отношении к электоральному процессу. В данном исследовательском поле наиболее известна концепция гражданской культуры английских ученых А.Марша и Х. Китчелта, оформившаяся в 60-х гг. XX века [2]. Авторы данного подхода предлагали рассматривать интенсивность и направленность политической активности населения как результат действия определенных установок и ориентаций в умах отдельных политических лидеров. Так, набор установок, предполагающих формулирование гражданами требований к политической системе и обеспечение их учета властными группами, приводит к формированию демократических институтов. При отсутствии системных кризисов и существенных внешних воздействий на политическую систему, будучи структурно-функциональной по своей природе, теория гражданской политической культуры не может объяснить текущие изменения в электоральной культуре кыргызского общества и связанное с этим стремительное нарастание протестной волны.

Альтернативой в данном случае может послужить инструментальная призма изучения электоральной культуры и политического протеста, получившего развитие в рамках электорального процесса. Согласно данному подходу, вопрос политического участия – это не столько вопрос установок и ориентаций в умах лидеров и политических объединений, которые выявляются посредством опросов, сколько проблема способов, механизмов и каналов участия, их эффективности и восприятия населением. Электоральная культура в данном случае трактуется как набор инструментов – средств интерпретации политической ситуации и участия в электоральной деятельности, понятой как совокупность процедур выборного формирования органов власти.

Следует отметить, что инструментарий политического участия формируется и вводится в действие в различных социально-исторических контекстах. В данном случае важно учитывать, что внутренние установки граждан не формируются независимо от внешних обстоятельств – на них закономерно оказывают влияние также и результаты деятельности самих политических институтов. Следовательно, если эффективность института низка, то выбор его гражданами в качестве объекта воздействия может быть попросту нерациональным. Революционные события 2005 и 2010 года в политической жизни страны – это наглядно демонстрируют. С одной стороны, протестная политическая активность

протекает преимущественно по внеинституциональным каналам, с другой – запрос на политическое участие не подкрепляется созданием устойчивых организационных форм, которые позволили бы заинтересованным социальным группам обеспечить стабильную мобилизацию, обрести полноценную политическую субъектность и выработать стабильные механизмы влияния на процесс принятия государственных решений.

Протестная волна в современном Кыргызстане высветила высокую региональную фрагментированность в обществе. Попытки оппозиционных политических лидеров выдвинуть политические требования, притязая на представление интересов южного регионального большинства, породили ответную мобилизацию другого консервативного регионального электората (севера), активно поддержанную действующей властью при помощи полит. технологий поляризации. Однако фрагментарность и, главным образом, обозначившиеся размежевания остаются неоформленными институционально – не созданы альтернативные действующему властному центру организационные структуры, публичные центры влияния в рамках политической системы, а также программы их идейно-информационного сопровождения. Размежевания лишь частично «схватываются» и обрабатываются существующими политическими партиями.

Данные факторы существенно снижают мобилизационный потенциал понятия «оппозиции», как самой общей совокупности противостоящих действующей власти групп.

Феномен протестной волны целесообразно интерпретировать посредством теории общественных движений. Данная концептуальная призма помогает структурировать проблему протеста, снизить неопределенность в трактовке ситуации, выдвинуть целостную схему интерпретации данного феномена с точки зрения инструментального измерения электоральной культуры. Один из ведущих исследователей общественных движений Ч. Тилли определяет их как «устойчивое оспаривание позиций власти предрержащих во имя людей, находящихся под юрисдикцией данных власти предрержащих» [4]. Ч. Тилли уточняет данное определение, указывая, что социальные группы, являющиеся субъектами общественных движений, выдвигают свои требования посредством организованных общественных усилий (кампаний), набора инструментов коллективного действия (репертуара), а также комплекса символических репрезентаций. Российским исследователем общественных движений Е.А. Здравомысловой была предложена в целом сходная, но более широкая трактовка общественного движения как «ряда повторяющихся коллективных действий, направленных на достижение заранее сформулированной цели» [5]. Интенсивно происходящие в Кыргызстане акции политического протеста соот-

ветствуют ключевым атрибутам данных определений общественного движения.

Одним из ключевых результатов протестных митингов стало существенное переопределение политического дискурса в стране. Силами участников протеста в марте 2005 года было осуществлено переопределение рамки стабильности – на первый план выдвинулось эмоционально заряженное клише «семейного коррумпированного правления», выполняющей роль объединяющей категории для ряда акцентируемых оппозиционно настроенными группами тенденций развертывания протестного политического процесса. Общеизвестно, что такие проблемные явления в функционировании политической системы как коррупция, семейное правление, многочисленные нарушения прав граждан, низкая эффективность социальных лифтов и так далее были сформулированы сравнительно давно и обозначались, в том числе и властвующими группами. Однако массовые акции протеста в 2005 и 2010 гг., явились крупным событием национального масштаба, предали острую эмоциональную окраску данным темам. Тем не менее, на сегодня протестное движение в Кыргызстане оказывается пока неспособным сформулировать четкую повестку, действия и требования его участников являются весьма спорными и противоречивыми как с точки зрения категории всеобщего блага, так и с точки зрения будущего самого протестного движения, возможностей выработки целей, программ и создания на его основе эффективно функционирующих площадок для диалога и организационных структур.

Данная проблематика вновь возвращает нас к понятию электоральной культуры, а именно – инструментам самоорганизации, формирования позитивной политической субъектности у социальных групп, имеющих целью влияние на электоральные предпочтения населения и проводимый действующей властью политический курс. Представляя протестные акции сквозь призму теории общественных движений и инструментального измерения электоральной культуры, мы встаем перед задачей группировки и анализа средств, при помощи которых протестное движение осуществляет свою деятельность. Очевидно, что в зависимости от ситуации и ракурса рассмотрения на первый план могут выдвигаться различные критерии проведения подобной группировки инструментов. Мы предлагаем сгруппировать инструменты по трем типам – риторические средства, организационные средства и медиасредства. Это отражает три ключевые составляющие развития общественного движения:

Во-первых, выработку идеологии и выстраивание дискурса;

Во-вторых, осуществление коллективного действия, рекрутирование и мобилизацию участников; и наконец, в третьих, организацию коммуникации с внешними аудиториями.

Риторические средства представляют собой совокупность инструментов языкового выражения, обеспечивающих определение повестки дня, проблематизацию, задание рамок интерпретации ситуации (фрейминг) и выстраивания повествований с целью формирования коллективной идентичности, утверждения легитимности притязаний общественного движения на власть, привлечения новых членов и обеспечения коллективного действия.

С точки зрения риторики, политический протест изначально характеризовался культурой исключения (эксклюзивности), которая по принципу входит в противоречие с политическим действием, предполагающим инклюзивность, стремление к представлению интересов широких социальных групп в притязании на власть.

Наблюдается настойчивая попытка оппозиционно настроенных групп в основу политической позиции и притязаний на значимость поместить моральное противопоставление сил «добра и зла». Безусловно, моральный дискурс о политике служит мощным средством обострения эмоций и достижения краткосрочной мобилизации. Вместе с тем, акцентирование моральных противопоставлений может представлять существенные препятствия на пути развертывания долгосрочной содержательной дискуссии, обеспечивающей выработку альтернативных политических программ и выстраивание отношений с оппонентами.

Организационные средства представляют совокупность процедур по обеспечению устойчивой согласованности и координации, соподчинения целей и действий индивидуальных субъектов для осуществления коллективного оппозиционного политического действия. Протестное движение на современном этапе организовало ряд типовых акций, среди которых – митинг, а также неоднозначные способы протеста, нарушающие общественный порядок, в частности, перекрытие дорог и т.д. При этом, электоральная социальная сеть, представляющая временные, неустойчивые ассоциации индивидуальных и групповых субъектов, по-прежнему является основным механизмом организации протеста.

Рассматривая возможные основания для развития устойчивых организационных механизмов протестного движения, следует отметить, что в деятельности последнего в настоящий момент тенденция к экспрессивности преобладает над инструментализмом. Задача формирования коллективной идентичности общественного движения остается нерешенной.

В целом, при сохраняющейся высокой актуальности развития организационных механизмов и структур протестного движения в Кыргызстане, можно выделить следующие препятствия при развертывании данного процесса. Во-первых, формирование коллективной идентичности и сопутствующие ей экспрессивность, «празднование» своей лидер-

ской особенности, не позволяют сформировать устойчивую общественно-политическую коалицию. Во-вторых, сказывается острый недостаток опыта политической работы у значительного числа лидеров политического протеста. Наконец, в целеопределении протестного движения во многом преобладают постматериальные ценностные мотивы, касающиеся, в первую очередь, стремлением обладать властным ресурсом и привилегиями.

Медиасредства являются принципиально важными для вовлечения новых членов протестного движения, представляя, в то же время, ключевую составляющую при оказании влияния на объект протестной кампании, обеспечивая трансляцию информации и широкий общественный резонанс определенным событиям и темам повестки дня, влияя на мнение значительных социальных групп. Предоставляя возможности распространения влияния, СМИ имеют собственную систему приоритетов при выборе информационных поводов для освещения. Как заметил американский социолог Д. Гимсон в комментарии о движении «Захвати Уолл Стрит», внимание СМИ во многом зависит от наличия противоправных действий участников движения: «Урок, который СМИ преподносят мирным, настойчивым и осведомленным участникам протестов чрезвычайно прост: хотите внимания медиа – сделайте так, чтобы вас арестовали». Сложившаяся структура распределения внимания СМИ нередко косвенно стимулирует «громкие» противоправные и в этом смысле антидемократические проявления протеста. Возникает парадоксальная ситуация – преодоление информационной маргинализации в СМИ временами требует маргинализации в практическом ключе действий движения, дает импульс незаконным акциям. По мнению американского социолога Д. Гимсона данное противоречие является глубоко укорененным и нередко проявляется в деятельности общественных движений в качестве замещения цели – стремление к увеличению информационного присутствия и достижению желаемой медиакартинки становится главным приоритетом [6]. Привлечение медиавнимания в случае рассматриваемого нами кыргызского протестного движения сочетается с потребностью в формировании имиджа его лидеров как своеобразных героев, «борцов с системой».

Незаконные протестные действия, довольно часто являющиеся эффективными с точки зрения привлечения внимания масс-медиа, представляют существенное препятствие при выстраивании прочной организационной платформы оппозиционной деятельности, снижают последовательность и предсказуемость действий, тем самым уменьшая возможности для его институционализации.

Важнейшим вопросом с точки зрения инструментального измерения деятельности протестного движения является обеспечение легитимности протеста, притязаний на корректировку либо

коренное изменение политического курса. Проблема легитимности актуальна как внутри движения, в частности, при вовлечении и мобилизации его участников, так и во внешней среде, с точки зрения общества в целом.

Чрезвычайно актуальной является выработка национальной модели и соответствующих ей инструментов политики оспаривания властного политического курса, которая бы резонировала с основаниями культурных интерпретаций значительной части граждан страны.

Нехватка инструментария самоорганизации как основная проблема кыргызской электоральной культуры представляет вызов не только для протестного движения в его поиске организационных форм, стремлению к обретению коллективной идентичности и «выращиванию» органичных, внутренних лидеров. Это также вызов для действующей власти, в очередной раз подводящий нас к выводу о том, что

после апрельских событий 2010 года произошла пока лишь относительная политическая стабилизация, нежели чем установилась устойчивая политическая стабилизация. Демократические институты по-прежнему находятся в процессе становления – сказывается недостаток наполнения их содержательными, неформальными практиками граждан.

Литература:

1. Сариев М. Об особенностях деятельности кыргызской оппозиции. // Политика и право. - № 4, 2010. – С. 23-29.
2. Marsh. A. Political Action in Europe . London, 1990.
3. Kitselt H. Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movement in Four Democracies// British Journal of Political Science. 1986.
4. Tilly H. Political Action in USA. N-Y, 1994.
5. Здравомыслова Е.А. Электоральные особенности протестных предпочтений в российском обществе. // Социс - № 5, 2011. – С.65-71.
6. Gamson D. Political Protest in USA. N-J, 1990.

Рецензент: д.филос.н. Утуров К.У.